

лни в существующих пределах их власти и направить их объединенные его благословением силы против татар-мусульман, оказался не в силах ни остановить процесс деления Руси, выделения Великороссии во главе с Москвой, ни изменить по существу характер московского летописания, какой оно приобрело при Дмитрии Донском начиная с 1375 г., а именно великорусский в том смысле, в каком великорусским был мыслимый нами «Летописец Великий Русский». Неотъемлемой частью московской летописи стали и продолжали становиться записи о Твери, Капине, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах. Местные летописания так и не смогли вовсе оправиться после нанесенного им удара, а Москва не пожелала расстаться с правом самой вести историю других великорусских городов.

В. Ф. АНДРЕЕВ

О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ДВИНСКИХ ГРАМОТ

Датировка двинских актов периода новгородской самостоятельности является чрезвычайно трудной задачей. Трудность ее обусловлена почти полным отсутствием дат в текстах грамот, а также тем, что в этих актах редки упоминания лиц, известных по другим источникам (летописям, твердо датируемым грамотам).

Применяемая ныне датировка большинства двинских актов осуществлена А. А. Шахматовым в его известном «Исследовании о двинских грамотах XV в.»,¹ она безоговорочно принята издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова»,² а также использована с некоторыми изменениями и уточнениями В. Л. Яниным в качестве основы для датировки печатей двинских наместников новгородского архиепископа и двинских посадников, которыми скреплены грамоты.³

Всего в настоящее время известно 157 двинских актов. Все они опубликованы в ГВНП в разделе «Частные грамоты Великого Новгорода. Двина», за исключением одного (№ 92), который ошибочно, по справедливому замечанию В. Л. Янина, внесен в раздел «Грамоты внутреннего управления Новгорода».⁴

Эти 157 грамот делятся на 7 групп со следующими датами: 1) конец XIV—начало XV в. — 5 грамот; 2) начало XV в. — 4 грамоты; 3) первая четверть XV в. — 11 грамот; 4) не ранее первой четверти XV в. — 3 грамоты; 5) середина XV в. — 72 гра-

¹ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I и II. СПб., 1903.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949 (далее — ГВНП).

³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II. М., 1970, с. 67—83.

⁴ Там же, с. 116.

моты (из них 6 грамот датируются временем около 1445 г.); 6) вторая половина XV в. — 21 грамота; 7) в целом XV в. — 41 грамота.

Шестую группу, вероятно, следовало бы датировать третьей четвертью XV в., временем до 1478 г., т. е. до окончательного падения новгородской независимости, поскольку еще А. А. Шахматов отметил, что «ни в одной из наших грамот не содержится упоминания о московском великом князе, его наместнике и тиунах».⁵ Все грамоты этой группы имеют новгородский формуляр (за исключением грамоты № 220, имеющей точную дату и оформленной по-московски, грамот № 261, 262, написанных также по московскому формуляру, и дапной Марфы Борецкой Соловецкому монастырю (№ 219), неподлинность которой доказана В. Л. Яниным)⁶ и сохранили печати новгородских должностных лиц (№ 226, 228, 230) либо были когда-то скреплены новгородскими печатями, о чем свидетельствуют имеющиеся на подлинниках отверстия (№ 224, 225, 227, 229, 231, 235). Если грамота сохранилась в копии, то, как правило, отмечено, что подлинник имел свинцовую печать (№ 233, 234, 236).

Что же касается седьмой группы, то в нее вошли акты, в каждом из которых издатели ГВНП не обнаружили датирующих признаков, позволяющих привязать их к одной из предыдущих групп. Но и в этом случае, согласно приведенным нами признакам, равно относящимся к актам обеих последних групп, следует датировать грамоты седьмой группы временем до 1478 г., когда, как отмечено в Софийской II летописи, 13 января новгородцы на вече вынуждены были принять решение, «что пригородомъ всемъ, да и двиняномъ, да и заволочаномъ крестное целование сложити съ себе, а целовати имъ на великихъ князей имя».⁷

Изучая датировку двинских актов, принятую в ГВНП, нельзя не обратить внимания на неравномерность распределения документов во времени: если не учитывать грамот, датированных в целом XV в., поскольку они могут относиться к любой из хронологических групп, то получается, что из 116 оставшихся актов почти две трети (72 документа) относятся к середине XV в., в то время как актов конца XIV—первой половины XV в. только 23, а второй половины XV в. — 21.

⁵ Шахматов А. А. Исследование... ч. I, с. 1.

⁶ В. Л. Янин отметил, что «в грамоте имеется целый ряд элементов, указывающих на ее подложность: Марфа в ней именуется „Великого Новгорода посадницей“, документ якобы был утвержден свинцовой печатью самой Марфы, имя которой помещено на печати; оформление грамоты вовсе необычно: она содержит на обороте рукоприкладство свидетелей — обычай неизвестный для новгородских документов времени самостоятельности; наконец, имя Зосимы упоминается в ней с такой назойливостью, что не остается сомнений в том, что подделка возникла под влиянием житейной легенды» (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 276).

⁷ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 218.

А. А. Шахматов и издатели ГВНП при датировке грамот часто исходили из следующего принципа: если в одной из грамот находилась какая-либо более или менее точная хронологическая примета, дававшая возможность ее датировать (упоминание лиц, известных по другим датированным источникам, прежде всего по летописям, наличие дат в текстах грамот, упоминание в датируемых документах известных событий и т. д.), то все грамоты, связанные с ней посредством упоминания одних и тех же имен (участников сделки, свидетелей), относились к тому же времени, что и основная датирующая грамота, таким образом получалась примерная дата написания большинства актов. Конечно, точность датировки, получаемой таким способом, невелика. Ведь период деятельности лиц, участвовавших в оформлении того или иного документа, мог быть достаточно продолжительным, примерно 30—40 лет. Для иллюстрации этого положения приведем крайние даты упоминания в двинских грамотах XV—XVI вв. представителей некоторых известных родов: Федор Амвросиевич Шуйгин — 1499—1558;⁸ Алексей Амосов — 1515—1567;⁹ Григорий Иванович Кологривов — 1526—1556;¹⁰ Демид, Игнатий и Михаил Прощелькины — 1537—1581;¹¹ этот список можно было бы расширить. Как видим, деятельность одного человека в течение 30—40 и более лет не является для Двины чем-то необычным.

Предположим, что основная грамота датируется серединой XV в., в ней в качестве участников сделки, послухов или должностных лиц, скрепивших грамоту печатью, названы А, Б и В. Благодаря упоминанию этих лиц в основном документе другие грамоты, в которых встречается хотя бы одно из имен А, Б или В, А. А. Шахматов и издатели ГВНП относили к середине XV в. Но основной акт фиксировал скорее всего различные этапы деятельности контрагентов сделки и ее свидетелей: скажем, для А — это начало деятельности, для Б — середина, а для В — конец. Тогда другие документы, в которых встречаются указанные лица, если они относятся к иному периоду их деятельности, получат искаженную датировку. Например: акт с именем А, в котором фиксируются последние годы его деятельности, будет А. А. Шахматовым и издателями ГВНП отнесен к середине XV в., в то время как действительная его дата — скорее всего 70-е годы; а документ, в котором упомянуто имя В, составленный в начале деятельности этого лица, также будет отнесен к середине XV в., хотя фактически мог быть написан в 20-е, если не в 10-е годы. Поскольку определить, к какому периоду дея-

⁸ Сборник грамот Коллегии экономии (далее — Сб. ГКЭ), т. I. Пгр., 1922. № 76; РИБ, т. 25. СПб., 1908, прилож., с. 35—46.

⁹ ОР БАН, Арханг. собр., № 1492, л. 102—116; Сб. ГКЭ, т. I, № 170; Архив ЛОИИ СССР, колл. актов до 1613 г., оп. 1, № 54.

¹⁰ Сб. ГКЭ, т. I, № 58, 141, 149.

¹¹ РИБ, т. 14. СПб., 1894, № 23, 64; т. 25, прилож., № 24, 70, 73.

тельности того или иного человека относятся различные грамоты с его именем, обычно невозможно, то все они оказываются объединенными в одну группу актов середины XV в.

Коль скоро документов, в тексте которых встречаются достаточно четкие хронологические приметы, очень мало, то А. А. Шахматов и издатели ГВНП вынуждены были для хронологической привязки ряда грамот идти еще дальше указанного способа датировки. Если, возвращаясь к нашему примеру, в каком-либо акте вместе с А упомянуты некие Г и Д, то другие грамоты, в которых поодиночке названы эти Г и Д, все равно относились к середине XV в., и ошибка в датировке могла стать еще более значительной (хотя это и не обязательно).

Следует сказать, что А. А. Шахматов наметил относительную хронологию многих актов, выяснив судьбу ряда участков, неоднократно переходивших из рук в руки, определив последовательность смены игуменов Николаевского Чухченемского и Михайловского Архангельского монастырей, что особенно важно ввиду того, что значительная часть двинских актов имела непосредственное отношение к монастырскому землевладению и в них часто упоминаются имена настоятелей этих двух монастырей. Правда, точка зрения А. А. Шахматова на порядок чередования архангельских игуменов оспорена современными исследователями.¹² Издатели ГВНП при датировке актов широко привлекают также данные печатей, которыми скреплены грамоты, а В. Л. Янин пошел дальше, составив в хронологической последовательности список двинских наместников архиепископа, имена которых встречаются на печатях. Ввиду того что последовательность смены владычных двинских наместников имеет первостепенное значение для датировки интересующих нас грамот, список наместников, составленный В. Л. Яниным, будет рассмотрен нами особо.

В. Л. Янин отметил, что датировка актов является «несколько более сложным вопросом», чем это принято считать, «поскольку некоторые имена покупателей и послухов встречаются в различных хронологических группах двинских документов».¹³ Исследователь составил таблицу имен, повторяющихся в актах, с указанием датировок их по изданию ГВНП.¹⁴ Мы приводим здесь эту таблицу, дополнив ее некоторыми именами, не отмеченными у В. Л. Янина, но приведенными в различных хронологических группах грамот в издании ГВНП. Все дополнения к таблице В. Л. Янина помечены звездочкой, прибавлены две хронологические группы: конец XIV—начало XV в. и начало XV в.

¹² См.: Миронова В. Г. Проблема хронологии некоторых двинских актов. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник, вып. 1. Вологда, 1970, с. 245—259; Янин В. Л. Актовые печати..., т. II, с. 75—77.

¹³ Янин В. Л. Актовые печати..., т. II, с. 74.

¹⁴ Там же, с. 75.

Имена, встречающиеся в двинских актах по изданию ГВНП

Имя	Конец XIV в. — начало XV в.	Начало XV в.	1-я четверть XV в.	Средина XV в.	2-я половина XV в.	XV в.
Авдук*			143 (не ранее 1-й четверти)		233	
Амос Микулин			139	189		
Алех Поколото			135		230	
Андрей Кононович			135, 140, 141			
Андрейн Александров		130	144 (не ранее 1-й четверти)			221
Арист Ананьин			137—139			
Василий Александров			140, 141			
Василий Сасин			134, 135	160 (?=В.А)		
Власий, поп* (Богоявленской церкви)	125					257
Григорий Васильев			133	185, 201, 212	227	
Григорий Семенов		131	133	162		251, 270
Дорофей Васильев			136			261
Иван Александрович*		130	144 (не ранее 1-й четверти)			247
Иван Григорьевич	125			211, 212		
Иван Семенов			135	152, 167, 190, 198	225, 227	266
Иван Степанович сотский			92*, 132, 137	178*, 193, 197, 199*	226*, 228*, 229*	
Леонтий Аввакумович*		129	144 (не ранее 1-й четверти)			
Леонтий Семенов			135	153, 155		
Лукьян Васильев			134	177, 179		268
Кирилл Миленцевич*				185	231	
Максим Ионин			135	203, 204		
Мартемьян Александров*		130, 131	144 (не ранее 1-й четверти)			
Михаил Варфоломеев			132, 134	152, 153, 155, 157, 167, 194, 212, 215		
Михаил Феофилакт			135, 141	203	228	
Нифонт Марков*				172	226, 229	
Савва Ермолин*		130	141			
Семен Григорьевич*	125			208		

Продолжение

Имя	Конец XIV в.— начало XV в.	Начало XV в.	1-я четверть XV в.	Середина XV в.	2-я половина XV в.	XV в.
Семен Микифоров			133			240
Селиван Павлов			140	153, 155, 170		
Степан, поп* (церкви Козьмы и Демьяна)	126			155, 192 (?)		
Степан, староста Михай- ловского Архангель- ского монастыря*	125		143 (не ранее 1-й четверти)	210		
Степан Васильевич*			134	177		268
Филипп Семенов			141			249
Фраль*			143 (не ранее 1-й четверти)		233	
Яков Александрович*		130	144 (не ранее 1-й четверти)		221	247
Яков Селиванович*				152	227	
Яков Дмитриевич*		130	60 (1421 г.)	145—150		
Сидор Трифонович*				193	225, 232	

В. Л. Янин, анализируя таблицу, пришел к выводу, что приведенные в ней данные «демонстрируют явное тяготение основной массы имен, фигурирующих в рассматриваемой группе актов (т. е. актов 1-й четверти XV в., — В. А.), к середине XV в. Это совпадение с уже изложенным наблюдением над основной датированной грамотой № 132, отнесенной выше не просто к первой четверти XV в., а по крайней мере к концу первой четверти,¹⁵ позволяет предположить для всей группы актов № 132—141 несколько более позднюю дату, нежели принятая сейчас, а именно конец первой—вторая четверть XV в.»¹⁶

Думается, что из таблицы может быть получен и диаметрально противоположный вывод: ряд грамот, датированных в ГВНП серединой XV в., обнаруживает тяготение к первой четверти XV в. И этот второй вывод нам кажется даже более оправданным, поскольку датировка грамот № 132—136, отнесенных в ГВНП к первой четверти XV в., представляется более основательной, чем датировка большинства приведенных в таблице грамот серединой XV в. (кроме грамоты № 152), поскольку их даты полу-

¹⁵ Приведенная здесь датировка В. Л. Яниным грамоты № 132 неверна. В. Л. Янин в другом месте своей работы дает иную датировку этого акта — не позднее 1422 г., подробнее см. далее.

¹⁶ Янин В. Л. Актовые печати..., т. II, с. 75.

чены на основе уже изложенного нами способа датировки, не дающего возможности достаточно точно определить время написания документа. Из имен, перечисленных в таблице, 4 встречаются как в актах рубежа XIV—XV вв., так и в актах середины XV в. (Иван Григорьевич, Семен Григорьевич, поп Степан и Степан, староста Михайловского монастыря); Яков Александрович фигурирует в документах начала и второй половины XV в.; 7 имен упомянуты как в грамотах первой четверти, так и в актах второй половины столетия; 4 имени известны по грамотам как середины, так и второй половины XV в.; наконец, 9 имен имеются в актах как первой четверти, так и середины XV в.

Данные таблицы подтверждают наш вывод о несовершенстве датировки актов в ГВНП, согласно которому одинаковые имена должны попадать, как правило, в одну хронологическую группу.

Далее мы предпримем попытку заново датировать основную массу двинских грамот. В ряде случаев (например, для грамот № 132—136) наша датировка будет совпадать с датировкой ГВНП, в большинстве же случаев будет отличаться от принятой ныне.

При установлении дат двинских грамот используем следующий основной метод датировки: коль скоро многие двинские акты тесно связаны между собой и образуют хронологические группы, то сначала попытаемся определить хронологические рамки написания каждой из групп документов, а затем, выяснив различными способами относительную хронологию актов внутри группы, установим примерные даты составления отдельных грамот. В дополнение к основному методу мы будем использовать и описанный выше метод датировки, примененный в ГВНП. Сочетание того и другого методов позволяет более уверенно датировать документы.

Наша работа основана на широком использовании наблюдений А. А. Шахматова, издателей ГВНП, В. Л. Янина, особенно над относительной хронологией двинских актов. Кроме того, мы будем основываться на данных летописи, ранее не отмеченных при датировке интересующих нас актов, показаниях точно датированных двинских грамот конца XV—XVI в., материалах сфрагистики и отчасти палеографии. Есть также возможность сделать некоторые новые хронологические наблюдения над текстами самих датируемых грамот.

А. А. Шахматов и издатели ГВНП большую часть двинских грамот отнесли к середине XV в., связав эти грамоты со временем деятельности игумена Николаевского Чухченемского монастыря Василия.

Имя игумена Василия фигурирует в 19 грамотах.¹⁷ Это единственный случай, когда в таком числе актов встречается одно и

¹⁷ № 152, 153, 155, 157, 158, 160, 161, 165—176.

то же имя. А. А. Шахматов писал: «Деятельность игумена Василия так значительна, число актов, где упоминается его имя, так велико, что является сомнение, не было ли в Чухченемском монастыре два игумена того же имени, но сомнение это опровергается тем, что почти все грамоты, где назван игумен Василий, объединяются между собою, как современные, именами и других лиц — свидетелей, покупателей, продавцов, завещателей и проч».¹⁸

Основой для датировки грамот, в которых упомянут игумен Василий, и большого числа грамот, так или иначе связанных с его временем, стала закладная Власа Степановича Николаевскому Чухченемскому монастырю (№ 152). В этой грамоте есть (уникальный среди двинских актов первой половины XV в. случай) достоверная хронологическая помета, которую П. И. Иванов, А. А. Шахматов и все последующие исследователи расшифровали как указание на то, что грамота была составлена в 1448—1449 гг. Мы соглашаемся с ними, хотя не забываем, что есть и другие возможности для ее датировки.¹⁹

Благодаря наличию в закладной № 152 имени игумена Василия деятельность последнего датируется А. А. Шахматовым и издателями ГВНИ серединой XV в. Отсюда остальные 18 грамот, упоминающие игумена Василия, тоже отнесены к середине XV в. Этим же временем датированы еще 40 актов (№ 154, 156,

¹⁸ Шахматов А. А. Исследование... ч. I, с. 2.

¹⁹ Датировка грамоты № 152 основывается на ее заключительной части: «В лето 6000-е 57-е, а от тое зимы, коли корела за моремъ двинянь грабили». А. А. Шахматов (Исследование... ч. I, с. 2) считал, что в дате грамоты по ошибке пропущена цифра ц (900) и относил документ к 1449 г. Некоторые исследователи (А. Х. Востоков, И. И. Срезневский) находили, что здесь пропущена цифра ѣ (800), и датировали грамоту 1348—1349 гг. Возможен еще и третий вариант датировки: дату грамоты можно понять и так, что закладная составлена через 57 лет после той зимы, когда «корела двинянь за моремъ грабили». Это печальное для двинян событие могло произойти, например, в 1338 г., когда карелы «побиша Русь новгородцовъ много и ладожанъ гостию и кто жилъ крестьянь в Кореле, а саме побегале в Немечкии городокъ и потом посекоша крестьянь изъ Немечкого городка» (НПЛ, с. 348). Не исключена возможность, что среди новгородцев и ладожан, живших в Кореле и Выборге, были двиняне, хотя, может быть, нападение произошло на двинян, живших на Терском берегу за морем, ведь восстание карел приобрело настолько значительный размах, что вызвало войну между Новгородом и шведами (кстати сказать, восстание карел случилось зимой, как сказано и в пашей грамоте). Если в закладной имеется в виду указанное событие, то ее дата — 1395 г. Вообще говоря, система отсчета времени от какого-либо крупного события иногда встречается на страницах летописи, например: «Турлакове рати безъ трехъ 100 летъ минуло, коли Володимиръ взяли» (НПЛ, с. 467); в новгородской купчей № 106 встречаем такое хронологическое указание: «и даша на немъ рублей гривну на 70 летъ, а от того лета, коли Ио(аннъ) князь мертвъ Ивановиче». Мы не настаиваем на третьем варианте датировки, так как, во-первых, упоминаемое в грамоте № 152 событие могло и не попасть на страницы летописи и тогда точка отсчета неизвестна; во-вторых, потому, что датировка, предложенная А. А. Шахматовым, как нам представляется, больше согласуется с данными сфрагистики и палеографии.

159, 162—164, 177—209, 216), связанных так или иначе с временем деятельности игумена Василия. Кроме того, одна грамота (№ 151) датирована первой половиной XV в., так как она составлена, как предполагают издатели ГВНП, ранее грамот Василия, а 9 актов (№ 224—232) датированы второй половиной XV в., поскольку, по мнению издателей ГВНП, они составлены позднее времени деятельности Василия. Таким образом, перед нами комплекс из 69 грамот, датировка которых зависит от даты игуменства Василия.

Нам представляется, что датировать только серединой XV в. деятельность игумена Василия нельзя. Дело в том, что А. А. Шахматов, издатели ГВНП и В. Л. Янин не заметили обстоятельства, ценность которого для датировки указанного комплекса грамот трудно переоценить. Мы имеем в виду наличие летописных известий о деятельности Есифа Филипповича, имя которого упомянуто в 6 грамотах, входящих в состав интересующего нас комплекса (№ 157, 161, 168, 173, 191, 192), причем при грамоте № 192 сохранилась его печать, которую В. Л. Янин отнесит к типу булл двинских посадников.²⁰

Первый раз Есиф Филиппович упоминается под 1401 г. в следующем известии: «Того же лета на миру, на крестном целовании, князя великаго Василья повелениемъ Анфаль Микитинъ да Герасимъ Рострига съ князя великаго ратью наихавъ воиноу за Волокъ на Двпну и взялъ всю Двинскую землю на щит без весте, в самыи Петровъ день, крестиянъ повешале, а иных посекле, а животы их и товаръ поимале, а Ондreja Ивановича и посадниковъ двинскихъ Есифа Филиповича и Наума Ивановича изимаша. И Степанъ Иванович, брат его Михаила и Микита Головня, скопивъ около себе важанъ и сугнавъ Анъфанла и Герасима, и бшпаса с ними на Колмогорах, и отняша у них бояръ новгородскихъ Андрея, Есифа, Наума».²¹

Для нас важно, что в летописном рассказе зафиксировано двинское посадничество Есифа Филипповича в конце июня 1401 г. При сопоставлении цитированного сообщения Новгородской первой летописи с грамотами № 157, 161, 168, 173, 191 и печатью, привешенной к грамоте № 192, принадлежавшей двинскому посаднику Есифу Филипповичу, не остается сомнений в тождественности лиц, носящих имя Есифа Филипповича.

Во второй и последний раз Есиф Филиппович упомянут летописцем среди воевод, возглавлявших новгородское войско, победившее шведов под Выборгом в марте 1411 г.²² В этом известии Есиф Филиппович упомянут вместе с Аврамом Степановичем, фигурирующим в грамоте № 132 также в качестве двинского посадника. И тот и другой в данном случае не носят титула двин-

²⁰ Янин В. Л. Актовые печати. . . т. II, с. 116.

²¹ НПЛ, с. 396.

²² Там же, с. 403.

ских посадников и живут, судя по всему, в Новгороде, откуда отправляется и куда возвращается после победы войско. Под тем же годом в качестве двинского посадника упомянут летописью другой человек — Яков Степанович.²³ Можно сделать вывод, что Есиф Филиппович в начале 1411 г. уже не был двинским посадником, и установить младшую из возможных дат его посадничества — не позднее 1410 г. Относительно старшей даты посадничества Есифа Филипповича следует сказать, что вряд ли она может быть древнее 1398 г.: если бы он был двинским посадником в 1396—1397 гг., то не смог бы сохранить свою должность после измены двинян Новгороду в 1397 г. и последующего восстановления власти Новгорода над этой волостью в 1398 г., когда изменники были сурово наказаны.²⁴

Итак, время двинского посадничества Есифа Филипповича находится между 1398 и 1410 гг. Так следует датировать по крайней мере грамоту № 192.

Что касается остальных пяти грамот, то, вероятнее всего, и они были написаны примерно в то же время, хотя полной уверенности в этом нет, ибо Есиф Филиппович мог приезжать на Двину и даже жить там после окончания срока посадничества, как жили на Двине другие новгородские бояре. О новгородских боярах, проживавших в Двинской волости, имеются упоминания в летописных рассказах 1398 и 1401 гг., а также в известной благословенной грамоте архиепископа Иоанна (1388—1414 гг.), которая среди населения Двинской земли упоминает двинских посадников, двинских бояр, новгородских бояр, новгородских и заволочских купцов.²⁵ Подобно другим новгородским боярам — Андрею (№ 127, 130) и еще одному двинскому посаднику Якову Степановичу (№ 215) — Есиф Филиппович мог приобрести на Двине села и другие владения. Поэтому, нам представляется, что грамоты с упоминанием Есифа Филипповича, за исключением № 192, осторожнее было бы датировать рубежом XIV—XV — первой четвертью XV в.

Есиф Филиппович четыре раза фигурирует в качестве послуха в грамотах, где покупателем является игумен Василий (№ 157, 161, 168, 173). Это и не удивительно: монастырь находился всего в 10 км от Холмогор, которые являлись административным центром Двинской земли и в которых жил в период своего двинского посадничества, а может быть и позднее, Есиф Филиппович.

Таким образом, игумен Василий оказывается современником Есифа Филипповича, и по крайней мере часть его грамот следует отнести к рубежу XIV—XV — первой четверти XV в. В подтверждение такой датировки можно привести еще несколько аргументов. Ряд имен, упоминающихся в наших грамотах вместе с име-

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 389, 391—393.

²⁵ Шахматов А. А. Исследование..., ч. II, с. 145.

нем игумена Василия, встречается в группе актов (№ 132—136), на наш взгляд, совершенно правомерно датированных издателями ГВНП первой четвертью XV в. Основной датирующей грамотой здесь является рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами (№ 132), составленная от имени посадника Василия Юрьевича, посадника Аврама Степановича, Васильева наместника Мины Андреевича и его сотского Ивана.

А. А. Шахматов отождествил посадника Василия Юрьевича с сыном посадничьим Василием Юрьевичем, упомянутым в Новгородской первой летописи под 1417 г., а Аврама Степановича — с воеводой Аврамом Степановичем, упомянутым в той же летописи под 1411 г., и датировал рядную очень осторожно — первой половиной XV в.²⁶ Издатели ГВНП, основываясь на тех же данных, что и А. А. Шахматов, справедливо ограничили рамки написания грамоты первой четвертью XV в. В. Л. Янин на основе своих фундаментальных разысканий о новгородских посадниках попытался уточнить датировку грамоты № 132. Однако на страницах его исследования об актовых печатях мы обнаружили две различные датировки этого акта.

Согласно первой из них, «более правильным было бы датировать грамоту не первой четвертью XV в., а 1420-ми — 1430-ми годами с преимуществом для 1420-х годов», поскольку из упоминаемых в грамоте посадников Василий Юрьевич «был избран в 1420-х годах... Аврам Степанович получил посадничество в 1423 г..., а конечные даты их посадничества неизвестны».²⁷

В другом месте В. Л. Янин датирует ту же грамоту именно первой четвертью XV в., исходя из того, что указанные посадники, «начав свою карьеру в Заволочье, затем продолжили ее в самом Новгороде», а рядная написана до того, как Аврам Степанович и Василий Юрьевич стали высшими магистратами Новгородской республики, в период их совместного двинского посадничества.²⁸

Мы согласны со второй датировкой и ее обоснованием, тем более что из текста самого документа явствует, что в нем упомянуты не новгородские, а именно двинские посадники. Аврам Степанович был новгородским тысяцким в феврале 1423 г.,²⁹ а может быть, согласно предположению В. Л. Янина, и в 1422 г., и в 1423 г. сделался новгородским посадником.³⁰ Известно из летописи, что он не был двинским посадником в 1401 и 1411 гг., однако указать, в какой из промежутков между 1398, 1401, 1411 и 1422 гг. он посадничал на Двине, мы не имеем возможности, хотя можно предполагать, что Аврам Степанович не сразу после возвращения с Двины был избран новгородским тысяцким, а за-

²⁶ Там же, с. 106.

²⁷ Янин В. Л. Актовые печати..., т. II, с. 74.

²⁸ Там же, с. 116.

²⁹ ГВНП, № 62, с. 102—104.

³⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 266—267.

тем и посадником. Между его двинским и новгородским посадничеством вполне возможно прошло несколько лет, на это указывает то, что из известных 7 двинских посадников лишь двое достигли новгородской посадничьей степени. Как бы то ни было, приходится ограничить дату написания грамоты № 132 достаточно широкими хронологическими рамками: 1398—1422 гг. К рядной № 132 привешена печать двинского владычного наместника Остафия Яковлевича, его буллами были скреплены еще 4 акта (№ 133—136), которые мы вслед за издателями ГВШП относим к первой четверти XV в.

Вернемся теперь к датировке грамот с упоминанием игумена Василия. Из лиц, упоминаемых в актах первой четверти XV в., современниками игумена Василия были, кроме Есифа Филипповича: 1) Михаил Варфоломеевич, известный по грамотам № 132 и 134, упомянут вместе с Василием в 5 грамотах (№ 152, 153, 155, 157, 167); 2) Иван Семенов, имя которого фигурирует в грамоте № 135, является послухом в грамотах № 152 и 167, где упомянут и игумен Василий; 3) Леонтий Семенович, также известный по грамоте № 135, засвидетельствовал грамоты № 153 и 155, в которых встречается имя игумена Василия. Кроме того, в грамотах первой четверти XV в. находим еще несколько имен, которые не упомянуты в одних и тех же актах с игуменом Василием, но имеются в актах, датированных в последнем издании серединой XV в. и связанных со временем деятельности игумена Василия. Это Иван Степанович (№ 92, 132, 137, 178, 193, 197), братья Степан и Лукьян Васильевичи (№ 134, 177, 199), Григорий Васильевич (№ 133, 185, 193, 201), поп Максим Ионович (№ 135, 203, 204), Михаил Феофилактович (№ 135, 141, 203).

На основании приведенных фактов, в первую очередь на основе совместного упоминания Есифа Филипповича и игумена Василия, можно уверенно предположить, что какое-то время деятельности последнего приходится на первую четверть XV в.

Как уже было отмечено, мы согласны с датировкой грамоты № 152, предложенной А. А. Шахматовым — 1448—1449 гг. Но является ли эта грамота самой поздней по времени из тех, в которых упоминается игумен Василий? Нет, не является. Последней грамотой игумена Василия, как совершенно, на наш взгляд, справедливо считают издатели ГВШП, была данная игумена Василия Николаевскому Чухченемскому монастырю (№ 176), в которой он завещает обители часть земель, купленных им ранее на свое имя. Грамота написана по формуляру духовной, начинается с традиционной первой статьи духовных: «Во имя отца и сына и святого духа», написана в первом лице, как и другие духовные. Заключительная часть ее по смыслу и форме ничем не отличается от последних статей других завещаний: «А благословляю игумена, кто буде игуменомъ у святого Николы, а старцовъ черпцовъ свою братью, по мие память денте по сили. А на то богъ... послухъ и отецъ мои духовные игумень Григорей святии Бого-

родици. А хто ее мое слово преступить, сужусе с нимъ предъ бо-гомъ». . .

Вероятнее всего, грамота № 176 была написана незадолго до смерти чухченемского игумена в присутствии его духовника. Замечательно то, что данная игумена Василия написана тем же почерком, что и грамота № 152, а также купчая № 174. К сожалению, вопросы русской палеографии XIV—XV вв. остаются почти неразработанными в специальной литературе, поэтому мы не имеем возможности на основании только палеографических данных отнести грамоты № 152, 174 и 176 к какой-либо определенной части XV в. Грамоты написаны деловым полууставом, характерным для конца XIV—XV в. В них встречаются обычные для полуустава начертания букв: Ч (ращепом, без ножки), З (в виде полукруга с маленькой головкой), И (похожа на современную печатную), якорное Е и т. д.

Грамоты № 152, 174 и 176 написаны уверенным почерком человека, привыкшего много писать. Почерк прямой, лишь две буквы — у и х — имеют наклон к концу строки, что создает первое обманчивое впечатление наклона всех букв. К особенностям почерка нужно отнести значительную длину ножек букв у, р, ф, а также буквы а, которые часто заезжают на нижнюю строку. Следует отметить использование писцом одновременно двух различных начертаний буквы Т: 1) похожая на современную печатную, прямая переключина которой писалась справа налево, отсюда левая часть переключины обычно тоньше и длиннее правой; 2) с опущенными книзу (примерно до середины ножки) концами переключины.

Факт написания грамот № 152 и 176 одним почерком позволяет предположить, что составлены они были примерно в одно время, т. е. дата смерти игумена Василия — это середина XV в.

Таким образом, по нашим предположениям, Василий игуменствовал довольно долго — с первой четверти XV в. до середины столетия, вероятно всю первую половину XV в. Возникает вопрос: возможна ли такая значительная продолжительность игуменства Василия? В принципе возможна. Действительно, ряд новгородских архиепископов XIII—XV вв., многие из которых были избраны на владычную кафедру из игуменов какого-нибудь монастыря, после избрания действовали по 20—30 лет. Например, архиепископ Далмат хиротонисан в 1251 г., а умер в 1273 г. (22 года); другой новгородский владыка, Климент, был избран в архиепископы в 1273 г., а умер в 1299 г. (26 лет); со времени избрания архиепископа Моисея (1325 г.) до вторичного его отречения от кафедры (1359 г.) прошло 34 года; Алексей пробыл в сане архиепископа до своего отречения 28 лет (1360—1388 гг.), наконец, Иоанн отрекся от кафедры в 1415 г., пробыв в сане архиепископа 26 лет (с 1389 г.).³¹ Заметим, что все три последних в нашем спи-

³¹ НПЛ, с. 304, 322, 323, 329—330, 340, 365, 366—367, 381, 382—383, 404.

ске новгородских архиепископа после продолжительного нахождения на кафедре отрекались от нее и отправлялись доживать свой век в какой-либо монастырь.

Большой продолжительностью игуменства Василия объясняется необычайное число актов с упоминанием его имени. А. А. Шахматов выяснил, что до нас дошел практически весь комплекс актов Чухченемского монастыря. Согласно описи начала XVII в., в монастырском архиве имелись 42 харатейные грамоты, из них известны в настоящее время 39, т. е. утрачено только 3 документа.³² В сохранившихся грамотах XV в. встречаются имена 5 чухченемских игуменов, упомянутых в 24 актах. В 19 грамотах назван игумен Василий, в 2 — Юрий, а остальные трое — только по одному разу. На весьма значительную продолжительность игуменства Василия указывает и следующее: грамоты с его именем оказываются скрепленными печатями 5 двинских наместников, причем можно предполагать, что фактически в период игуменства Василия их сменилось еще большее число, ведь из 19 грамот лишь 7 сохранили печати. Еще одним фактом, говорящим в пользу большой длительности игуменства Василия, является упоминание в ряде грамот вместе с игуменом представителей разных поколений одних и тех же родов. В актах фигурирует сначала Селиван Павлович, а затем его сын Яков Селиванович. В одних актах назван Тимофей Баи, а в других — его дети Яков и Ларион Баевы. Этот важный вопрос будет рассмотрен далее. Суммарно все акты с упоминанием игумена Василия датируются первой половиной XV в. Далее мы ставим перед собой задачу выяснить относительную хронологию этих 19 грамот.

Как уже отмечалось, последний по времени составления грамотой игумена Василия была скорее всего его данная Чухченемскому монастырю (№ 176). Отсюда очевиден вывод: все остальные грамоты написаны раньше данной № 176.

Среди 19 грамот имеются 9 купчих (№ 160, 161, 165, 166, 168, 172—175), в которых игумен Василий совершает покупки не для монастыря, а лично для себя. В этих грамотах для нас большой интерес представляет статья, помещаемая обычно в заключительной части двинских купчих, которая в общей форме выглядит так: «А купил себе (и своим детям) одерень (в веки)». В купчих игумена Василия находим две редакции этой статьи: 1) купил себе... (№ 160, 165, 168, 174, 175); 2) купил себе и своим детям... (№ 161, 166, 172, 173). Наличие двух различных редакций этой статьи нужно понимать, видимо, следующим образом: у игумена Василия были дети (дети игуменов нередко упоминаются в двинских грамотах — см. № 151, 164, 213, 248); после того как Василий стал игуменом, он покупал некоторое время земли себе и детям. Затем произошел семейный раздел³³ или

³² Шахматов А. А. Исследование... ч. I, с. 14—15.

³³ Такого рода семейный раздел зафиксирован в грамоте № 204: «Се розделишась, по благословенью отца своего Максима, попь Яковъ и попь

дети его умерли, с тех пор в купчих игумена Василия появляются слова «купил себе...». По данной № 176 Василий передает монастырю не все, а лишь часть земель, которые он приобрел «себе», остальные земли он завещал кому-то другому, может быть, детям, а может быть, иным родственникам. Если наше наблюдение соответствует истине, то купчие № 161, 166, 172, 173 совершены ранее купчих № 160, 165, 168, 174, 175.

А. А. Шахматов установил относительную хронологию еще трех актов — № 173—175.³⁴ В них речь идет об участках, принадлежавших некоему Михею Фаустову. По купчей № 173 игумен Василий приобретает у Михея землю на Малом острове. Затем по купчей № 175 участок, доставшийся в наследство одной из дочерей Михея Фаустова — Федосье, также переходит в руки игумена Василия. И наконец, купчая № 174 фиксирует покупку Василием наследственной доли другой дочери Михея Фаустова — Лукерьи. Грамота № 174 составлена позднее купчей № 175, так как в последней (при описании границ продаваемого участка) соседними значатся еще принадлежавшие Лукерье земли ее отца. Исходя из наблюдений А. А. Шахматова, можно следующим образом реконструировать хронологическую связь между грамотами № 173—176:

173 → 175 → 174 → 176

Представляется возможным установить хронологическую связь грамот № 172 и 173. В купчей № 172 игумен Василий покупает землю у Матвея и Самуила Назаровых. А. А. Шахматов пишет: «Участок Матвея и Самуила Назаровых находился на Малом островке, т. е. там же, где участок Михея Фаустова, приобретенный игуменом Василием по купчей № 18 (№ 173 по ГВНП, — В. А.). Вот почему можно указать общие соседние участки: Еремееву землю, Ивашову (Иваша Нефедова) землю. Следовательно, Назарова земля № 18 тождественна с приобретаемой по купчей № 17 (№ 172 по ГВНП, — В. А.) землей сыновей Назара. Поэтому № 17 написан раньше, чем № 18».³⁵ Думается, что здесь какое-то недоразумение. Приводим описание обоих купленных игуменом Василием участков на Малом острове:

№ 172

... с верхнего конца межа от Еремеевы земли, а с нижнего конца до Васильевы земли, а сторону межа до Ивашовы пожни; а на другой стороны орамици Круглая пожня той же земли, а с верхнего конча

№ 173

... а межа тое земли с верхнего конца до Назарови земли, с нижнего конца до Еремеевы земли межа, и зъ закраинами и с притеребомъ; на томъ же Маломъ островки другая веретей земли, а межа

Онтонъ Максимовы дети земли и воды». Часть «земель и вод» была ранее приобретена отцом Якова и Антона попом Максимом Ионовичем по купчим № 135 и 203.

³⁴ Шахматов А. А. Исследование..., ч. II, с. 30—32.

³⁵ Там же, с. 29.

межа Круглицы от Ларюшины пожни по кустовью, да на смородынной кусть, и до Осташовы пожни межа, и до Васильевы закраини межа...

той веретей с верхнего конца до Назарови земли, а с нижнего конца межа до Иваша Нефедова земли; подли ту же веретию логь по половинамъ с Ывашомъ Нефедовымъ, а на другой стороны веретей от Лаконерме закраина и с притеребомъ к той же земли...

Из описания границ участка в грамоте № 173 видно, что соседями Михея Фаустова были Еремей, Иваш Нефедов, Назар (или его дети). Из купчей № 172 явствует, что соседями Назаровых детей были Иваш Нефедов, Еремей, Ларион, Осташ и Василий. Из сопоставления этих описаний можно заключить, что в момент составления купчей № 173 соседний с Михеем участок принадлежал еще Назару (или его детям), а вот во время написания купчей № 172 Михей Фаустов уже не был соседом Назаровых, его участок перешел к Василию. Особенно показательным, что в состав участка Михея входила закраина, которая в грамоте № 172 показана уже принадлежащей Василию. Таким образом, мы пришли к обратному по сравнению с А. А. Шахматовым выводу: купчая № 173 написана ранее купчей № 172.

Мы отмечали, что грамота № 172 написана ранее купчей № 175. В итоге получаем такую схему:

173 → 172 → 175 → 174 → 176

Отметим еще одно хронологическое наблюдение А. А. Шахматова, с которым следует согласиться. Относительно купчей № 158 он говорит: «По-видимому, эта купчая составлена раньше купчей № 24 (№ 160 по ГВНЦ, — В. А.), так как Филиппова земля (упоминаемая в грамоте № 158, — В. А.), судя по последней, стала собственностью Матвея Урвана».³⁶ Итак, грамота № 158 написана ранее грамоты № 160.

Обратимся теперь к упоминаниям в грамотах игумена Василия представителей разных поколений одних и тех же родов.

Относительную хронологию нескольких грамот можно установить, сопоставив имена Селивана Павловича (№ 140, 153, 155, 170) и Якова Селивановича (№ 152, 227). Вероятно, здесь мы имеем дело с представителями одного рода: Селиван был отцом Якова Селивановича. В подтверждение этого вывода можно привести следующие доказательства: имя отца встречается в актах в двух формах — Селиван Павлович (№ 140, 153) и Селюша Павлов (№ 155, 170). Тожественность этих имен в различных формах не вызывает сомнения, все они связаны с упоминанием игумена Василия (№ 153, 155, 170), Михаила Варфоломеевича, Тимофея Федоровича, Григория Ивановича, Леонтия Семеновича (все четверо в грамотах № 153 и 155), Максима Федоровича

³⁶ Там же, с. 5.

(№ 140, 155). Имя Селиван уникально в сохранившихся новгородских грамотах: известен только один Селиван — наш Селиван Павлович. Коль скоро имя отца писалось по-разному, то и отчество сына находим в двух формах — Яков Селиванович (№ 227) и Яков Селюшин (№ 152). В обеих грамотах вместе с Яковым упомянут Иван Семенович, а с грамотами Селивана Павловича их объединяют имена игумена Василия и Михаила Варфоломеевича (№ 152, 153, 155).

Из двух грамот с упоминанием Якова № 227 написан при игумене Юрии, который строил позднее Василия. Получаем следующий хронологический ряд:

140, 153, 155, 170 → 152 → 227

Единственным в своем роде в наших грамотах является и прозвище Тимофея Бая (№ 155, 159, 160, 165), поэтому правильным было бы предположить, что Яков и Ларион Баевы, названные в грамоте № 175, — его дети. В грамотах отца и детей фигурирует игумен Василий. Хронологическое соотношение указанных актов может быть представлено следующим образом:

155, 159, 160, 165 → 175

В грамотах игумена Василия встречаемся с Матвеем Леонтьевичем Урваном (№ 158—160). Другим представителем того же рода является Лазарь Урванов сын, известный по грамоте № 165. С актами, в которых упоминается отец Лазаря, грамоту № 165 связывают имена игумена Василия, Савелия Селкина (№ 158, 160, 165), Олферия Григорьева (№ 158, 165), Тимофея Бая (№ 159, 160, 165). Грамоты с именем Матвея Урвана должны предшествовать грамоте с упоминанием его сына:

158, 159, 160 → 165

А. А. Шахматовым установлены также хронологические взаимоотношения грамот № 151, 153—155 и 157,³⁷ где речь идет о переходе земель Заозерского села от одних владельцев к другим. Эти земли были приобретены неким Григорием Ивановичем по купчей № 151, затем одна часть земель была продана новым владельцем Николаевскому Чухченемскому монастырю по купчей № 153, и факт этой продажи был отмечен позднее в духовной Григория Ивановича (№ 155), другая часть земель была продана Павлу Трифоновичу (№ 154), который в свою очередь продал ее Николаевскому монастырю (№ 157). Из показаний грамот № 151, 153, 155 и 157 можно составить следующую хронологическую схему:

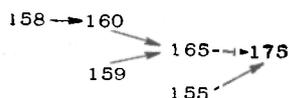
151 → 153, 154 → 155, 157

³⁷ Там же, с. 1, 3, 7, 43, 44.

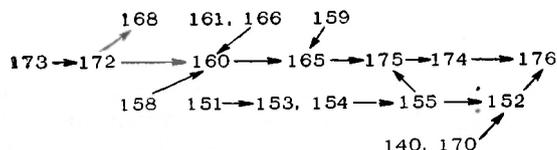
Теперь попробуем собрать воедино и сопоставить все полученные хронологические наблюдения:

- 1) 161, 166 } → { 160, 165, 168
172, 173 }
- 2) 173 → 172 → 175 → 174 → 176
- 3) 158 → 160
- 4) 140, 153, 155, 170 → 152 → 227
- 5) 155, 159, 160, 165 → 175
- 6) 151 → 153, 154 → 155, 157
- 7) 158, 159, 160 → 165

Суммируя наблюдения 3, 5 и 7, получаем такую схему:

Прибавив к только что полученной схеме наблюдения 1, 2, 4, 6, составляем такой хронологический ряд:

Неясным остается хронологическое место грамот № 167, 169 и 171, где, кроме упоминания игумена Василия, других хронологических примет нет. Поэтому относим грамоты № 167, 169 и 171 к первой половине XV в.

Как будто одной рукой написаны грамоты № 155 и 169, другим почерком — грамоты № 170 и 173, третьим — № 160, 165 и 175, четвертым — № 152, 174 и 176 (причем два последних почерка, по-видимому, более новые, чем два предыдущих).

Грамоты № 157, 161, 168, 173, 160 мы склонны относить к первой четверти XV в. из-за упоминания в первых четырех двинского посадника Есифа Филипповича. Грамота № 160, как, видимо, и № 158, 166, относится к тому же времени, поскольку № 160 скреплен печатью Ермолы Алексеевича, современника Есифа Филипповича (вместе в грамотах № 157, 161).

Грамоты № 174, 175 относятся к последнему периоду деятельности игумена Василия, и мы их датировем примерно 40-ми годами; № 152 написан в 1448—1449 гг., а грамота № 176 — скорее всего в начале 50-х годов. Датировка грамот № 159, 165 и, может быть, 153—155 находится в промежутке между датировкой № 173 и 176. Возможно, эти 5 грамот написаны в 20—30-е годы XV в.

Несколько грамот, в которых имя Василия не фигурирует, можно отнести ко времени его игуменства. Это грамоты № 162—164 с именем двинского наместника Ермолы Алексеевича; грамоты № 186, 203, 206, скрепленные печатью наместника Ионы, такой же, как при грамоте № 152; грамоты № 177—179, при которых имелись печати Якова Ивановича, скрепившего данную № 176; правда, неясно, написаны эти акты до или после смерти игумена Василия.

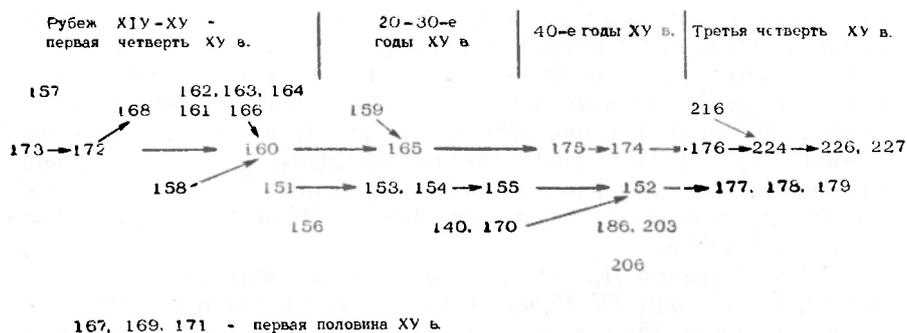
Судя по составу послухов, грамота № 156 тяготеет к первой четверти—20—30-м годам XV в. В ней упоминаются Тимофей Федорович, известный по грамотам № 151, 153—155, и Павел Трифонович, фигурирующий в актах № 154 и 157.

Нашу схему можно дополнить еще несколькими грамотами, относящимися к третьей четверти XV в. (№ 224—227). А. А. Шахматов, сопоставив имена настоятелей и старост Чухченемского монастыря, встречающиеся в этих актах, нашел правильный порядок чередования игуменов: «За Василием игуменствовал Кузьма, за ним Макарий, а за ним уже Юрий».³⁸ Согласно этому заключению построим такую схему:

176 → 224 → 225 → 226, 227.
Василий Кузьма Макарий Юрий

Кроме того, грамота № 216 составлена ранее данной № 224, так как село, приобретенное по купчей № 216 неким Игнатом, было позднее подарено по данной № 224 Чухченемскому монастырю.

Окончательный итог разысканий о грамотах, связанных со временем игуменства Василия, можно представить в виде следующей схемы:

³⁸ Там же, ч. I, с. 41; ч. II, с. 22, 24.